

Ранним весенним утром, в половине двенадцатого, с запада, со стороны деревни Хитровка, в Лондон вошел молодой человек лет двадцати восьми, Остап-Сулейман-Берта-Мария-Бендер-бей. Лондонская ночь, хруст снега под желтыми выменными на мыло в Одессе апельсиновыми штиблетами, все вокруг веяло Хитровкой московской, где частенько, особенно ранней снежной весной приключалось с Остапом много удачных сделок, обменов, обманов и торжества духа. Кругом темень, ни извозчика, ни попутки.

Это только подзадорило авантюрный нрав нашего героя. Углубившись во вчерашнюю газету, он не без ухмылки подумал: "Акробаты пера, виртуозы фарса, шакалы ротационных машин. Снег среди весны им беда, извозчики хитровские дрыхнут, ну я им!"

С решимостью, свойственной лишь одержимым, да баловням судьбы, пробираясь через припудренные мартовским снежком улицы, к девяти часам утра дошел он до самого Лондонского моста и без труда разыскал Королевский путь, что вел к цели, которую острый ум облек в некую форму, благо работа мозга его была остра, непредсказуема и отточена самыми невероятными махинациями.

"Мне к Боре Джонсону!" - изрек наш герой тоном, не терпящим возражений в приемной Сити Холла молоденькой работнице, лицом больше напоминавшей лошадь, нежели лицо Мэри Лондона. "И не таких соблазняли, - подумал Остап, - подумаешь, рыба английская". - "Назначено, по снежному делу, Доктор Задунайский, из России пешком от Хитровки, полярный исследователь, спаситель от ненастий, снеговед" - сымпровизировал он.

Англия хоть и известна издревле своей бюрократией, но под чарами Бендера и не такие ворота открывались.

"Борис, добрый день, дорогой! Задунайский я, помнишь? Как нет? Дед твой, Али Кемаль, с моим зятем Ибрагимом Беем еще нас в отрочестве на приеме в Америке представили. Я жизнь посвятил подробнейшему изучению проблемы осадков, полярник-снеговед, спас Москву и Одессу от наледи и сосулек, посвящен в проблемы Англии, и честь моя велит помочь с коллизией, вызванной зимой."

"Да помню я тебя, remeber!" - воскликнул Мэр, из вежливости, а еще от небывалого облегчения - желание восстановить репутацию среди английских рабочих, давшуюся непросто американскому гражданину, затрагивало все струны на восьмую турецкой, на шестнадцатую часть русской его души.

"Я знаю панацею от бед, артерии и вены страны будут наполнены целебной жидкостью передвижения, извозчики и конки, и другое передвижное не будет подвержено параличу в снегопад, от Хитровки до Сити Холла - час пути, как и в любое время года, жители британских окраин и центра восхвалят судьбу и Мэра города. Есть способ, и владею сей информацией только я (only me, Boris!), спасший Москву с Одессой, и множество городов мира, победитель снега и укротитель наледи даже в серверных широтах. Прибыл пред твои очи оказать help, Боря, да ты ж мне как..."

Борина верхняя губа подрагивала от восторга, а блондинистый хохолок на макушке так и танцевал от нетерпения.

"В общем, Боря, overall, требую всего мильён британских рублей, восемьсот тыщ депозитом, наличностью, план борьбы с осадками, восхитительный, работающий в любое время при любых условиях, сегодня вечером на твоём столе".

Надо ли говорить читателям, искушенным махинаторскими подвигами нашего героя, который не мог втереться в доверие разве что к почившему, в то время, как ключи от душ всех видов и подвидов человеческого рода, от дворников до губернаторов, хранил он в своем натренированном авантюрном мозгу, что ровно 800 тысяч лежали сей же день в кармане егокоричневого сюртука.

Нужно лишь раз попасться на ловко заточенный крючок Остапа Бендера, чтобы уразуметь навеки, что его жизненным мотивом к подвигам и махинаторству был и оставался неподражаемый стиль. Стиль облапошивания граждан, который сейчас уже не встретишь среди нынешних жуликов и мошенников, наполненный нотками юмора, издевки, а так же неких намеков и шифров, разгадать которые под силу лишь верткому уму. "Старанья

приложить сумея, узнает всяк фамилию еврея".

Вечером Боря Джносон, нетерпеливо дрожа блондинистым хохолком, вскрыл конверт, печать на котором гласила: "Решение снежных проблем и коллизий от Хитровки до Лондона", в графе from значилось Dr. O.V. bey Zadunaisky.

Оставляя место для фантазии дорогим читателям, опустим причудливое поведение мэрского хохолка при виде толстой тетради, на обложке которой красовалось рисованное с особым старанием изображение лопаты и пуда соли.

Нужно ли упоминать, что все остальные страницы этого труда были совершенно чисты...